

НОРМАТИВНЫЙ ХАРАКТЕР ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Вандышева-Ребро Н.В. (г. Харьков)

Аннотации

В статье исследуется нормативный характер феномена социальной идентичности, особенности которой особенно чётко просматриваются в контексте реалистического метода в отечественной литературе; сосредотачивается внимание на противоречивости использования понятия реализм в философско-методологическом аспекте.

In the article the author researches the normative character of the phenomenon of social identity. The features of this phenomenon are especially expressly looked over in the context of realistic method in domestic literature. The author pays attention to contradiction of the use of concept realism in a philosophical-methodological aspect.

Ключевые слова

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, ЛИЧНОСТЬ, РЕАЛИЗМ, СТЕРЕОТИПЫ, УТОПИИ, АВТОРИТЕТ, АВТОРИТЕТНОСТЬ, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, УНИФИКАЦИЯ, ЛИТЕРАТУРОЦЕНТРИЗМ, КРИТИЦИЗМ

Введение

Эпоха глобализации, невиданные масштабы развития средств массовой коммуникации, распространение текстов и обмен идеями в электронном виде привнесли в картину духовной жизни общества конца XX – начала XXI столетия совершенно новые черты. В значительной степени указанные феномены повлияли также на особенности производства, воспроизводства и распространения литературных образов прошлого и настоящего, на готовность сопереживать, подражать или идентифицировать читателю себя с понравившимися образами. Возможности выбора литературного произведения для прочтения, как и возможности манипулирования этим выбором, существенно трансформировались не в последнюю очередь опять же под влиянием воздействия телевидения и Интернета.

Прежняя литература, наиболее известные образы которой, определяемые в рамках реалистической традиции, играли очень важную воспитательную и дидактическую роль в социально-культурной и интеллектуальной жизни европейства со времён О. Бальзака, В. Гюго, Ф. Стендаля (Анри Бейля), Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, И.Я. Франко и многих других писателей и мыслителей вплоть до конца прошлого столетия, сегодня обнаруживает свою

незначительную востребованность. Но, ведь внутренняя потребность в поисках идеала, в идентификации себя с идеалом, в ощущении своей социальной идентичности со значимым и престижным, стимулировала молодёжь в её выборе жизненного кредо и соответствующих ценностей. И в этом существенную помощь оказывала литература. В современной культуре в целом, а в образовании в частности, происходит заметный акцент в сторону литературы и образов другого плана, что получило собирательное определение как культура постмодернистская.

Цель статьи – исследовать основания нормативности явления социальной идентичности в связи с неоднозначным пониманием сущности реализма в философском и литературно-критическом аспектах.

Обсуждение проблемы

Отмеченные выше изменения в литературотворческом процессе не могли решающим и неожиданным образом не воздействовать на восприятие литературных образов в отечественном общественном мнении. В значительной степени эти изменения определяются десакрализацией идеологии вообще, а литературы, как её «передового отряда», в частности. Многие десятилетия в нашем обществе существовало восторженное восприятие образов «реалистической» литературы. На светлых образах героев Н.Г. Чернышевского, Д.А. Фурманова, М. Горького, М.А. Шолохова и др., а позже О. Гончара, В.Д. Дудинцева, Ч. Айтматова и др. писателей-реалистов воспитывались поколения граждан новой социально-экономической формации. В значительной степени все они восприняли дух преклонения, сакрализации литературы.

Невиданный бум интереса к художественной и публицистической литературе пережило наше общество в период второй половины 1980-х – первой половины 1990-х годов. Период этот отличался сложностью и противоречивостью, поскольку, с одной стороны, он пролагал путь к принципиально новому этапу литературной жизни, а с другой стороны, его специфика определялась в значительной мере восприятием и общественным переживанием огромного массива литературы, которая ранее не могла достичь своего читателя в силу иных идеологических стереотипов и предпочтений. Появившаяся на страницах толстых журналов литература была порождением прошлых этапов развития художественного и общественного сознания.

Морально-эстетическая ситуация указанного периода стимулировала читателя принимать ту совокупность ценностей, которая была достоянием уже прошедшего, но которая уже не вписывалась в общественно-политическое и социально-экономическое пространство отчасти обновляющегося, а по сути

трансформирующегося общества. Это противоречие чувствовалось во всей атмосфере эпохи перестройки, когда советское социалистическое общество замерло в тревожном ожидании перемен, впрочем, при этом оптимистически ожидая перемен к лучшему.

Беда, однако, в том, что образцы соцреалистической литературы эпохи перестройки второй половины 1980-х – первой половины 1990-х были односторонне ориентированы на критическое переживание прошлого, на то «как не надо», а не на то «как надо». Отсюда и формирование представлений о социальной идентичности носило фрагментарный характер: идеал предстал в «растрёпанном» виде. В то же время, как замечает Михаил Голубков, размышляя об особенностях развития русской литературы, «... именно эти годы... предопределили эстетическое «лицо» литературы 1990-х годов. Соединив в одном историческом моменте несоединимое, они создали самую питательную почву для постмодернизма, безусловной доминанты литературы конца XX – начала XXI века, резко и решительно потеснившей реализм» [1, 169]. Многие годы в русской литературе, которая играла важную роль в судьбах народов, населявших Российскую империю, а потом и СССР, создавались квазиреалистические, а возможно, и попросту виртуальные образы многочисленных хороших и плохих героев.

В том же контексте и Андрей Кротков подчёркивает: «На русскую литературу молились, как на икону, и верили ей, как Божественному Откровению – а она обернулась всего лишь эстетической версией несуществовавшей и несуществующей реальности» [2, 55]. И в итоге получилось так, что усилиями русской литературы был создан вымышленный тип человека. А когда грянула перестройка, то оказалось, что в России нет ни Онегиных, ни Базаровых и пр. В этом как раз и проявилось крушение гармонии: жизнь оказалась такой, что в ней не обнаружилось универсального идеала социальной идентичности, который раньше предлагала «реалистическая» литература. Исчезли образы, на которые следовало равняться... И в этом контексте вполне логичным оказалось признать, что Павлик Морозов по сути чуть ли не отцеубийца, а Александр Матросов хотя и герой, хотя и совершил геройский поступок, закрыв своим телом амбразуру вражеской огневой точки, но всё это оттого, что он не выдержал перманентных страданий в недолгой жизни (детдом и война), а посему и покончил со своей жизнью из отчаяния.

Естественно, классические примеры героев для подражания эпохи соцреализма можно множить и множить. В новых исторических условиях, когда потребовались другие герои, когда обнаружились новые ценности, опять же вполне естественно на смену идеалам

литературоцентристской идентичности пришли иные образы: лихие милиционеры с гангстерским душком, бизнесмены «в законе» и вне его, неприкасаемые депутаты, преуспевающие звёзды эстрады и спортсмены, дамы полусвета и дипломаты, интердевочки и т.п. Мир стал много-**образным**, идентичность проблематичной, оптимизм циничным, пессимизм тотальным.

И здесь представляется необходимым обратить внимание на особенности восприятия и воспроизводства в литературном образотворчестве важной логической цепочки: действительность – действительное – реальное – реализм. О реализме в искусстве можно и говорить как раз, имея в виду существование двоякого рода реализмов. Первый суть отображение материальной действительности, реально существующего как фотографирование, копирование, описание чувственно воспринимаемого. В ситуации такого реализма вещи и явления предстают такими, какие они есть в действительности. Реализм второго толка характеризуется эстетизацией действительности, склонностью придавать образам нормативный характер, стремлением утверждать некий стандарт социальной идентичности. Здесь действительность приукрашивается, реальное предстаёт таким, каким его хотел бы видеть писатель или художник. В таком понимании сущности реализма именно второй подход к описанию социальной действительности и исходит из того, что выше было определено как литературоцентризм.

Сквозь призму предложенного истолкования «реализмов»: а) действительность как она есть и б) действительность, какой она должна быть, и имеет более прагматический характер. Реализм европейского толка первой половины XIX ст. существенно отличается от отечественного, что можно увидеть на примере образотворчества Бальзака и Гоголя. Трудно, например, представить О. де Бальзака, который «поучает» читателя, который осуждает и пристально-критически оценивает поступки своего героя в том духе, как это позволяет себе делать Н.В. Гоголь, например, в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Бальзак писал о том, какова цена жизни, а посему, герои его произведений в общем принимают правила окружающей их жизни, совершают соответствующие поступки.

Возможно, именно в методологии реализма как литературно-художественного метода и проявляется наиболее чётко важная философско-мировоззренческая проблема тождества мышления и бытия. В художественном описании действительности последняя может приниматься как не подлежащая осуждению, как нечто «разумное» хоть с точки зрения здравого смысла, хоть с точки зрения признания авторитета демиурга (Творца либо Абсолюта и т.п.). Но в художественном описании действительности последняя может и не приниматься, будучи изначально признанной как «неразумная», а

тогда, естественно, литератор или художник должен уже бытие подогнать под мысль.

Вот ведь, кстати, именно европейская в частности, и международная в целом, духовная и богоискательская атмосфера ожидания значимых изменений в обществе (ожидали конца света в 1844 году), сопутствовала появлению многих значимых работ писателей-реалистов того времени, которые практически на ожидания конца света не отреагировали. Другие же отреагировали в смысле ожидания прихода нового мира: «Мы наш, мы новый мир построим...». Вспомним, что в те годы в головах К. Маркса и Ф. Энгельса рождались чеканные строки «Манифеста Коммунистической партии». Вспомним, что в те же годы, под впечатлением происходивших в Европе и Америке технических открытий и изобретений, из-под пера Эрнста Ренана рождались пламенные строки другого манифеста, манифеста технократов-романтиков, воплощённые в работе «Будущее науки». Оба эти манифеста увидели свет в 1848 году.

Н.В. Гоголь свой «Манифест», «Выбранные места из переписки с друзьями», опубликовал несколько раньше, в 1847 году, проведя много времени вне России, в Европе. Но идей социализма и техноромантизма он не принял. Больше интересовался богословскими дискуссиями и светской реакцией на них. Для себя же сделал важный вывод, вспоминая слова А.С. Пушкина: «Слова поэта суть уже его дела». «Пушкин прав, – заметил Гоголь. – Поэт на поприще... Потомству нет дела до того, кто был виной, что писатель сказал глупость или нелепость, или же выразился вообще необдуманно и незрело» [3, 230]. Но замечание Гоголя несёт в себе нечто существенное, а именно, зерно уверенности в том, что к словам поэта прислушаются, что ими будут руководствоваться!

Верой во всеисилие мысли-истины, дышат рассуждения молодого, двадцати с небольшим лет А.П. Платонова, когда в эссе «О любви» он пишет: «Если чувства, которые гораздо древнее мысли, уже нашли общую, уравнивающую их в мире точку в форме наслаждения, то мысль ещё не твёрдо стоит в мире, мысль, так сказать, не сбалансирована с природой, и от этого происходит всякая мука, отравы и порча жизни» [4, 651]. Казалось бы, что в этих словах скрывается материалистический подход к пониманию гармонии бытия и мышления. Но в действительности ход мыслей молодого Платонова – идеалистичен: «Весь мир должен стать равен человеческой мысли – в этом истина. Вот в чём вся суть» [там же].

Каково же было разочарование повзрослевшего и прозревшего А.П. Платонова, достаточно рано познавшего реалии общества, в котором мысль группы «вождей» стала истиной в первой инстанции. Впечатляюще сильно и выразительно ряд материальных и

лингвистических обстоятельств вживания в новую жизнь показаны в знаковых произведениях А.П. Платонова. Именно анализируя этот пласт его работ И. Бродский отметил: «Платонов говорит о нации, ставшей в некотором роде жертвой своего языка, а точнее – о самом языке, оказавшемся способным породить фиктивный мир и впавшим от него в грамматическую зависимость» [5].

Объективно А.П. Платонов практически постиг диалектику слова-понятия, полагая, что слово произнесенное – это уже шаг к материальному действию. Можно сказать, что платоновский народ поверил в подлинность нового языка, который становился заместителем привычного бытового, обыденного, широко усвоенного, и в который, казалось бы, и добавить больше нечего. Многие современники и участники процесса переустройства Российской империи понимали, что, может быть, в действительности пока есть только слова, но какие это были слова! Как они завораживали, и каким дурманящим духом светлого и безмятежного будущего веяло от них. Но если и не всем было это понятно, то опять-таки, скорее от скудоумия, от *не-до-понятия*, да и задумываться особенно хотя бы даже и «о плане общей жизни», как это попытался сделать т. Воцев из «Котлована», эпоха не давала. Завком, настойчиво вопрошая о причинах его смятения, весьма убедительно разъяснял суть текущего момента: «Если мы все сразу задумаемся, то кто действовать будет?» [6, 485].

Несомненно, что писатель А.П. Платонов размышлявший больше и целенаправленнее других над возможностью согласования мира и мысли-истины, смог вполне объективно и критически оценить действительность второй половины 1920-х годов. Как раз мучительные поиски истинного жизненного пути порой приводят отечественных искателей правды жизни, а это показал именно Платонов, к большим социально-философским трудам. Один из подобных трудов до последнего часа своей жизни писал герой «Города Градова» т. Шмаков. И это был фундаментальный труд: «Принципы обезличения человека, с целью перерождения его в абсолютного гражданина с законно упорядоченными поступками на каждый миг бытия». Поняв глобальность установки на «обезличение человека» в создаваемом новом обществе, Платонов уже тогда понял существенное в нашем последующем бытии.

Выводы

Таким образом, исследование нормативного характера феномена социальной идентичности свидетельствует о том, что его особенности особенно чётко просматриваются в контексте реалистического метода в отечественной литературе, который опирается на приоритет идеального в мышлении. Противоречивость использования понятия реализм в философско-методологическом аспекте также очевидна, учитывая возможность эстетизации

действительности, склонность придавать образам нормативный характер, учитывая свободное или навязанное художнику стремление утверждать некий стандарт социальной идентичности. Здесь действительность приукрашивается, реальное предстаёт таким, каким его хотел бы видеть писатель или художник.

Происходит же это в условиях, когда мифологемы, оторванные от исторических традиций и образов, параллельно вытравливающие связь времен, начинают преобладать в отечественном общественном сознании. Вначале это были мифы о вожде и учителе, потом – об отце народов, позже – о ведущих нас в светлое будущее верных ленинцах, а потом уже весь период перестройки и ускорения в куда-то нас сопровождали, и к несчастью, продолжают вести «не поступающиеся принципами».

Перспективы дальнейших научных исследований:

- ✓ в осмыслении места понятия социальной идентичности в образотворчестве;
- ✓ в раскрытии философско-мировоззренческих оснований реализма, а также онтологического статуса художественного творчества;
- ✓ в изучении оснований критики реализма как художественного метода.

Источники

1. Голубков М. Литературные ретроспекции: вторая половина века. Рубеж 1980-90-х годов: в предвещии постмодерна // Литературная учеба. – 2005. – № 1. – С. 160-169.
2. Кротков А. В начале славных дел (литературно-критический взгляд на 20-летие «перестройки») // Литературная учеба. – 2005. – № 3. – С. 50-55.
3. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. – Собр. соч.: В 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т.8: – С. 213-418.
4. Платонов А.П. Государственный житель: Проза, ранние сочинения, письма. – Минск: Мастацька літаратура, 1990. – 702 с.
5. Бродский И. «Пик, с которого шагнуть некуда» // Известия. – 1 сентября 1989.
6. Платонов А.П. Избранное. – М.: Московский рабочий, 1988. – 787 с.

Статья надійшла 14.06.2007 р.